Сэнсэй должен знать! Идзуку внутренне запаниковал, пробираясь сквозь толпы людей, проталкиваясь через нескольких нетерпеливых людей, которым не понравились его толчки и рывки. Икидзи может быть здесь!

Протиснувшись сквозь внешнюю оболочку толпы с напряженным ворчанием, Идзуку наконец-то оказался свободным от кошмара клаустрофобии и оказался на границе уединенных зеленых насаждений парка.

Отлично! подумал Идзуку, бросаясь вперед, чтобы оказаться подальше от любопытных глаз любого прохожего. Теперь я могу вызвать сенсея!

Идзуку не теряя времени нажал на символ на карточке; не прошло и минуты, как перед глазами Идзуку появился ярко шипящий портал. Как всегда, Стрэндж точно рассчитал время.

"Идзуку?" настороженно спросил Стрэндж, входя в уединенный сад, куда его позвал ученик. "Что, кажется..."

Стрэндж сразу же ощетинился, его поза стала оборонительной, а глаза подозрительно зашарили вокруг себя.

"Ты тоже это чувствуешь, да?" испуганно спросил Изуку. "Это ощущение... эта аура... она очень похожа на спину Икидзи, когда он атаковал Камар-Таджа!"

"Верно, Идзуку, и все же..." Стрэндж стал жутко тихим, закрыв глаза, пытаясь сосредоточиться на темном присутствии, которое неуклонно росло, указывая либо на постоянный прилив сил, либо на приближение к их местоположению - или, что еще страшнее, и на то, и на другое. Однако, как он ни старался, Стрэндж не смог точно определить местоположение растущего темного присутствия, хотя он мог точно определить небольшие, исчезающие векторы темной энергии, разбросанные по городу к северу от Вашингтон-сквер-парка.

Это действительно темная магия, - сокрушался Стрэндж, - раз она мешает мне так легко определить ее местонахождение".

"Идзуку, - заговорил Стрэндж, не поворачиваясь к своему ученику. "Я хочу, чтобы ты немедленно отправился в безопасное место. Если это Икидзи, то будет лучше, если ты не будешь приближаться к этому месту. Ты еще не готов к новой встрече с ним. Либо возвращайся в Санктум, либо возвращайся домой".

"Это приказ, Идзуку", - сурово добавил Стрэндж, почувствовав, что мальчик собирается что-то возразить. Стрэндж быстро открыл другой портал и стремительно вошел в него, закрыв его за собой и оставив испуганного, но столь же решительно настроенного Идзуку.

"Но...!" воскликнул Идзуку, но слишком поздно, так как портал Стрэнджа уже закрылся. "Я

могу помочь..."

Может, в одиночку я и не справился бы с Икидзи, но вместе мы точно сможем его победить! Идзуку размышлял про себя. Почему ты не позволяешь мне помочь?

Идзуку дрожал и растирал руки, когда по округе пронесся очередной холодок - на этот раз явно ветреный. Идзуку внезапно прекратил растирание, когда в его мозгу ожило осознание.

В панике он убежал без своей верной реликвии. У Мэй все еще был его Плащ Левитации.

Маркус взмыл в воздух и приземлился на бок соседнего небоскреба, неуклонно двигаясь на юг. Его лабораторный халат развевался на ветру, окрашиваясь в ужасающие красные и черные оттенки от постоянного использования его новообретенных способностей, а также крови того несчастного кроита, которого он уничтожил несколько минут назад.

Его руки превратились в темные, аморфные, похожие на лезвия придатки, которые впились в стену здания, за которое он уцепился, и поддерживали его, пока он осматривал окрестности.

Свет, - раздраженно пробормотал он про себя. Слишком много света...

В конце концов, Нью-Йорк не зря называют городом, который никогда не спит. Даже когда последние остатки солнца опускались за горизонт, и ночь начинала свое обычное господство на небе, яркость все еще проникала в Нью-Йорк, подобно вирулентной чуме.

К счастью, у него было лекарство от этой надоедливой заразы.

Маркус глубоко вдохнул, сосредоточившись на разбухающей Темной силе, которая теперь пульсировала в каждой вене и капилляре его тела. Он зашипел, когда она вырвалась из его спины, пульсирующая масса теней, которая вечно жаждала.

Почти рефлекторно протянув руку, Маркус внезапно и с силой дернул ее назад, втягивая почти весь свет вокруг себя в извивающуюся темную массу, которой он теперь владел. Он не поскупился: все небоскребы и среднеэтажные здания в поле зрения мгновенно потемнели, как будто их просто выключили простым выключателем, а улицы внизу погрузились во внезапную темноту, когда лампочки уличных фонарей взорвались в потоке быстро гаснущих искр, а машины и светофоры необъяснимым образом потеряли всякий свет. Паника внизу началась сразу: люди испуганно шатались в безвременной темноте, их крики дополнялись грохотом машин и скрежетом стали о сталь.

Маркус не обращал внимания на хаотичный гул, раздававшийся вокруг него, полностью сосредоточившись на тьме, которая ненасытно поглощала любой свет и требовала еще, даже после такого щедрого питания. Он позволил Темной силе свободно править всем своим смертным телом, наслаждаясь онемением, которое непрерывно следовало за каждым

стремительным приливом тьмы, омывавшей его конечности и туловище, казалось, топившей его плоть в бездонных бассейнах, которые излучались из него.

Это ощущение утопления - онемение - было для Маркуса практически блаженством. Онемение означало, что он больше ничего не чувствует, особенно боли, к которой он так привык в жизни. Он больше не чувствовал не только своего тела, но и сердца, которое тоже поддалось оцепенению, и он был более чем счастлив этому. Его вновь обретенная сила заставляла каждый ощутимый пульс казаться холодным. Безжизненным. Безболезненным.

Он никогда не вернется - не сможет вернуться к своей прежней жалкой сущности, способной лишь на то, чтобы просто существовать день за днем, медленно разлагаясь от боли, причиняемой ему окружающими. Нет, он должен был оставаться оцепеневшим, оставаться холодным и бесчувственным, и сделать это можно было только постоянно используя свою силу, заставляя ее постоянно охватывать как можно большую часть его тела.

Каждые несколько минут это ужасное покалывание вновь появлялось где-то в его теле, и Маркус стискивал зубы и погребал любой дюйм теплой, открытой кожи и плоти, который осмеливался снова почувствовать себя под потоком тьмы, каждый из которых был глубже и холоднее предыдущего.

Звук полицейских сирен заставил его насторожить уши. Маркус бросил взгляд в ту сторону, откуда пришел. Никто из этих надоедливых офицеров не мог следить за его передвижениями и отслеживать его местоположение, когда он погрузил площадь в черноту, сбил их всех с ног и бросился бежать. Нет, они не имели никакого значения. Сейчас для Маркуса никто не имел значения, ни квиркед, ни кто-либо другой.

И все же... Маркус ворчал про себя. Эти "огни". Чем дальше на юг он продвигался, поглощая любой свет из окружающей среды, тем слабее он различал два особенно сильных "света" вдалеке, которые становились все ближе и ближе, чем дальше он продвигался. Он мог чувствовать эти огни, совсем чуть-чуть. От них исходило тепло, которое он даже не мог описать. Казалось, что они живые. Конечно, это только усилило его желание погасить эти "огни" как можно быстрее. Как они посмели проникнуть сквозь холод его нового существа и заставить его чувствовать?

http://tl.rulate.ru/book/55592/1514444